

Чистое сознание в контексте формальной логики

Владимир Е. Семёнов^{а, @}

^а Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

[@] kemcitysemenov@mail.ru

Поступила в редакцию 25.03.2019. Принята к печати 22.11.2019.

Аннотация: *Предмет* – динамика ноэзиса чистого сознания в совокупности с применением правил формальной логики. *Цель* состоит в постановке основоположений касательно синтеза чистого сознания и обыденного рассудка. *Методологической основой* послужила теория чистого сознания из работы Э. Гуссерля «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию», труд И. Канта «Критика чистого разума», в частности его размышления об основоположениях чистого рассудка, а также формальная логика Аристотеля. *Результаты.* Дифференциация возникающего переживания чистого сознания на интероцептивное и экстероцептивное приближает нас к утверждению, что чистое созерцание вещей не такое чистое, как полагал Э. Гуссерль, поскольку к операции ноэзиса всегда, так или иначе, добавляется рассудок с его неизменными логическими операциями. Это в свою очередь ведет нас к менее идеализированному пониманию феноменологии как философского направления, даже несмотря на то, что классические законы созерцательной интуиции в данной работе были приняты. Полученные результаты могут быть применены в сфере гносеологии и теории феноменологического познания. *Выводы.* Субъект познания даже после свершения феноменологической редукции не оставляет своей связи с рассудочной деятельностью. Кажется бы, такое видение феноменологического пласта нивелирует саму возможность появления чистых сущностей, так как мы не полностью отказываемся от нашей повседневной естественной установки. Однако мы полагаем: чтобы вообще с чем-то столкнуться в состоянии феноменологической редукции, необходимо и дальше придерживаться связи с рассудком, в противном случае есть риск попасть в сомнамбулизм. Рассудок хотя и входит в пласт чистого познания, всё же он не теряет свои формально логические способности. Логические законы, исходя из того, что формально они выражают, соединены с операцией ноэзиса, создавая тем самым общее переживание вещи интероцептивного или экстероцептивного характера.

Ключевые слова: Эго, конституирование, суждение, ноэзис, переживание, интероцепция, экстероцепция, смысл, логические законы, рассудок, идеализация, овеществление, целокупность вещей

Для цитирования: Семёнов В. Е. Чистое сознание в контексте формальной логики // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 3. № 3. С. 271–280. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-3-271-280>

Введение

В данной работе предпринимается попытка взглянуть на чистое, феноменологическое сознание с точки зрения его внутренней дифференциации, не исключая, что чистое сознание само по себе является цельным интуитивным созерцателем вещей. Подобная попытка внутренней дифференциации делает классический Гуссерлианский пласт феноменов менее интуитивным, т. к. имеется представление, что чистое сознание с необходимостью сопряжено с рассудком, где и покоятся логические законы, используемые чистым сознанием в процессе операции ноэзиса. Логические законы в свою очередь, исходя из смысла переживания, есть та основа, относительно которой имеется внутренняя дифференциация чистого сознания.

Логика оперирует такими мыслительными образованиями, которые благодаря различной конфигурации рассудочной деятельности могут отражать объективную реальность в процессе апперцептивной функции. При этом объективная логическая истинность расценивается как аксиоматическая самопроизвольная доказанность,

имеющая свое происхождение в значениях человеческого языка. И это идет так далеко, что мысль какую-либо вещь, мы буквально проскакиваем через нее саму, т. к. доведенное до автоматизма оперирование понятиями исключает любую рефлексию, заключающуюся в выдвижении вопроса «Что такое эта самопонятность?». Данный вопрос направляет наш взор в такие пласты познавательной активности, где, казалось бы, уже устоявшаяся аксиома теряет свою логическую самопроизвольную доказанность, поскольку феноменологическая редукция ставит весь наш повседневный опыт в скобки, чтобы перейти к внутреннему (имманентному) переживанию, исключающему всякую повседневную логическую динамику, – к переживанию, где субъект и предмет знания составляют единое целое в акте непосредственного усматривания.

В свое время создатель феноменологического направления Э. Гуссерль оппонировал такому воззрению на познание, как психологизм, утверждающему, что логика – это по сути фактическое отображение человеческой психики – сама природа мышления. Например, принцип

противоречия отображает тот факт, что мы не можем мыслить о чем-либо как истинном и как ложном в одно и то же время. Любой логический потенциал коррелятивен устройству психики. Следовательно, «нормально» мыслящий человек, по их мнению, имеет «нормальную» психику. Напротив, Э. Гуссерль «стремился дать объяснение не познанию, фактическому событию в объективной природе, в психологическом или психофизическом смысле, но прояснить идею познания в соответствии с его конститутивными элементами» [1, с. 33]. Впрочем, мы бы хотели сказать, что подобное воззрение нам не чуждо, т. к. данная работа, если смотреть с позиций логических переживаний, является синтезом психологизма и феноменологии. Подобный синтез нам необходим для дифференциации «личностного» и «объективного» в переживании вещей. Но не стоит забывать правила феноменологического познания, введенного Э. Гуссерлем: «То, что решает о значении в каждом отдельном акте, лежит именно в переживании акта, а не в предмете – в том, что делает это переживание переживанием, направленным на предметы, переживанием интенциональным» [1]. От данного правила мы в настоящей работе не будем отступать.

Примечательно то, что, говоря о чистом, интуитивном переживании, Э. Гуссерль уже обращал внимание на его субъективную и объективную составляющие.

Субъективная составляющая переживания имеет материю и форму. Материя – это, прежде всего, данные ощущений: ощущение цвета, запахов, звуков, боли и т. д. Однако материя сама по себе и без отнесения к какому-либо предмету имеет аморфный, а в результате неинтенциональный вид: сама посредством себя она не относится ни к какому предмету, но именно из нее и сделаны все переживания. С другой стороны, схватывание предмета, обращение на него внимания и т. п. формируют эту материю в переживание чего-то, т. е. придают ей интенциональный характер. «Организация материи в интенциональную направленность называется ноэзисом. В потоке феноменологического бытия есть слой материальный и слой ноэтический» [2, с. 191].

Объективная составляющая заключается в том, что пониманию предмета способствует не только внутренняя структура переживания, но также и то, что не является составляющим переживания, но всё же каким-то образом содержится в нем именно как схваченный в акте интенции предмет. Иными словами, в переживании имеется некий сущностный символ внешнего по отношению к чистому сознанию предмета. «Многообразным датам реального, ноэтического наполнения всегда отвечает многообразие дат, подтверждаемых в действительно чистом интуитивном; говоря коротко, это даты ноэмы» [2, с. 197].

Примечательно, что учитель Э. Гуссерля в вопросах феноменологического знания Ф. Brentano не имел никаких сомнений в том, что все явления сознания можно разделить на два класса – психические и физические феномены. С другой стороны, он допускает, что в принципе невозможно провести четкую границу между психическими

и физическими феноменами, которые любой человек улавливает на интуитивном уровне [3].

Итак, мы видим, что дифференциация на субъект-объектную часть переживания уже была предпринята Э. Гуссерлем и Ф. Brentano. Для нас это важно, поскольку основная мысль данной работы на 40 % строится именно на этом, однако со значительными изменениями. И одно из изменений заключается в том, что объективность, о которой будет идти речь ниже, не находится собственно в ноэме, а напротив, содержится в ноэзисе, потому что сопряженные с ним формальные логические операции определяют отношение чистого сознания к вещи по правилу близости / дальности к Эго.

Интероцептивность

Операция ноэзиса не просто подгоняет соответствующие внешнему предмету образы [2, с. 176], но и, сопрягаясь с верхним пластом формальной логики, с необходимостью дифференцирует возникшее переживание чистого сознания на экстероцептивность и интероцептивность, т. к. созерцание внешнего по отношению к чистому сознанию предмета всегда имеет личностный и объективный характер ноэзиса.

Личностный характер (интероцептивность) – это то, что в созерцаемом предмете относится к Эго (ядру личности) как часть чистого сознания, или трансцендентальной апперцепции [4].

Объективный характер (экстероцептивность) – это то, что в созерцаемом предмете относится собственно к самому предмету в едином процессе ноэзиса. Однако следует сказать, что объективность при контексте чистого сознания является условным понятием, поскольку не всегда можно четко определить, где заканчивается психика и начинается предмет в чистом самобытном смысле.

Такая дифференциация должна быть принята нами, поскольку это первый и фундаментальный шаг к тому, чтобы соединить возникающие переживания с коррелятивными им операциями формальной логики. Последняя орудует такими принципами, при которых каждое соотношение вещей в мыслительном процессе имеет свою собственную смысловую нагрузку. Такая нагрузка всегда конституируется как то, что уже доведено до автоматизма и может свободно использоваться в процессе мышления. Другими словами, каждая логическая операция, несмотря на то, что изначально она есть только бессодержательная формальность, всё же имеет свой смысл. А смысл – как раз то, что и образует операция ноэзиса. Следовательно, ноэзис и форма мысли определяют собою неразрывное единство, без которого то, что подразумевается чистым сознанием, было бы бессмысленным. Это всё равно, что вытащить двигатель из машины и ждать, что она поедет.

Каждый логический элемент сам по себе тоже бессмыслен, т. к. половинчат. Даже в самом простом категорическом суждении имеется субъект и предикат. Напротив, в отрыве друг от друга они уже не становятся мысленно оформлены, в результате чего объем каждого уже оторванного

от суждения понятия может некоторым образом заслонить его первоначальный смысл. Поэтому, хотя о каждой логической операции и будет сказано по отдельности, все они являются частью какого-нибудь суждения, которое как символ может только подразумеваться. В связи с этим мы утверждаем, что конфигурация различных логических операций ноэзиса коррелятивна возможному суждению, соответствующему их совокупности. Следовательно, мы имеем здесь дело с суждением как ноэмой. И она вполне может быть принята нами по аналогии с гуссерлианской объективностью переживания, но не в плане чистого созерцания какого-то предмета, а как возможного конституирования суждения в едином переживании чистого сознания. При этом данная объективность не относится к объективности ноэзиса.

Введем некоторые логические операции, соответствующие интероцептивным переживаниям. Интероцептивные переживания включают в себя: $A \neq A$, синтетический вид суждения, большая посылка силлогизма, отрицание понятия, нахождение родового понятия, дизъюнкция, транзакция. Мы понимаем то, что представленные логические операции (и те, что будут даны ниже) даже наполовину не исчерпывают собою всю логику, однако они даны как общее введение в формальную логику ноэзиса.

Данные логические конструкты приближены к Эго, исходя из следующих принципов: самосознание себя, создание общей абстракции, создание вторичной абстракции, предвосхищение результата, воспоминания. На данные принципы мы и будем опираться в процессе интерпретации каждого логического конструкта, сопряженного с интероцептивным переживанием. Чем более вещи окружающего мира теряют свое овеществление, тем более они как идеальность приближены к Эго, и наоборот, чем меньше в них идеальности и абстракций, тем ближе они к себе – становятся более овеществленными.

Логические операции, сопряженные с интероцептивным переживанием:

1. $A \neq A$. Второй основной логический закон гласит, что две вещи, имеющие разные качества и свойства, и не могут быть равны [5, с. 15]. Такой закон, как и всякое отрицание, имеет преобладающий принцип вторичной абстракции. Это означает, что мир сам по себе не имеет ничего отрицательного (поговорка: у природы нет плохой погоды). Соответственно, вся целокупность вещей существует в гармонии друг с другом. Но когда перед миром ставится человеческий ум, то немедленно все вещи подвергаются дифференциации, классифицированию, систематизации, анализу. В этих случаях $A \neq A$ проявляется более всего, т. к. первоначально способствует таким мыслительным конструкциям. Стройный порядок существующих вещей ломается тем, что вводится вторичная абстракция отрицания свойств и качеств двух или более вещей. Следовательно, переживание связано с данной логической операцией интероцептивно, поскольку оно своим действием ставит мир в жесткие рамки интеллекта, лишая его (мир)

первоначальной целостности. Таким образом, мир становится более абстрактен, а значит он более приближен к Эго.

2. Синтетический вид суждения. И. Кант в работе «Критика чистого разума» писал, что синтетические суждения – такие суждения, в которых к субъекту добавляется новая информация, находящаяся в предикате [6, с. 32]. В данном случае присутствуют преобладающие принципы вторичной абстракции и воспоминания в связи с тем, что имеет место синтез информации, относящийся к разным аспектам природного или общественного мира. Такая промежуточная операция синтеза разнородной информации – это то, что относит синтетический вид суждения к интероцептивному переживанию. Первостепенная важность здесь – операция синтеза разнородной информации. И пусть даже подобный синтез в акте вынесения суждения преимущественно не вербализируется, всё же задним числом мы подразумеваем правильность своего хода мыслей. «Заднее число» или предварительное знание – это и есть тот ноэзис, благодаря которому конституируется смысл не только синтетического, но и всякого суждения.

3. Большая посылка силлогизма. Когда есть, из чего произвести заключение, ум начинает синтезировать в новую информацию то, что дано в большей и меньшей посылке [5, с. 74]. Однако большая посылка вообще может содержать информацию, которая варьируется в огромном диапазоне, выходящую за пределы данного умозаключения, делая ее истинной лишь отчасти. Это получается из-за того, что 1) большая посылка может быть общеутвердительным или общеотрицательным суждением; 2) возможна субъективность при вынесении большей посылки; 3) философская неопределенность.

Приведем пример силлогизма учитывающего все эти три критерия в большей посылке:

Все образованные люди учатся на юридическом факультете (большая посылка).

Саша учится на юридическом факультете (меньшая посылка).

Саша – образованный человек (заключение).

Большая посылка суждения общеутвердительна, что уже наводит на мысль о частичной истинности, поскольку, разумеется, на юридическом факультете есть образованные люди, но не факт, что все. Также бросается в глаза связь между образованностью и юридическим образованием. Это происходит потому, что говорится именно обо всех студентах факультета. Даже если первая посылка была общеотрицательным суждением: «Ни один образованный человек не учится на юридическом факультете», всё же может выясниться, что на нем все-таки имеются образованные люди. Примечательно здесь то, что результат силлогизма вбирает эту половинчатую истину в себя.

Далее в вынесении большей посылки возможна субъективность. Например, студент, учась на юридическом факультете и гордясь за свою успеваемость, может полагать, что только образованные люди способны выдержать тот напор информации, который наваливается на них. Гипертрофируя значимость своего положения, студент

может и вовсе обесценить другие факультеты университета, субъективно заявляя: «Все образованные люди учатся на юридическом факультете!».

И последнее: некорректность большей посылки может быть связана еще и с тем, как нам понимать само понятие *образованность*. У каждого (или не совсем каждого) может быть свое представление об образованном человеке. Следовательно, чем шире по объему используемое в суждении понятие, тем более вероятно возникновение философской неопределенности. Большая посылка силлогизма относится к интероцептивным переживаниям благодаря указанным выше трем моментам, которые и тормозят логическую строгость. Но чтобы эти три момента вообще состоялись, необходимо доминирование таких принципов, как создание общей абстракции и создание вторичной абстракции, ибо без них невозможна та отвлеченность, которая присутствует в большей посылке силлогизма. Для нас сейчас, как и во втором случае, не важно само суждение как таковое, а важно то, что оно, благодаря некоей нестабильной выдержке информации, находится ближе к Эго, т. к. мы в рамках данной работы не рассматриваем суждение в целом, а напротив, только некоторые его логические компоненты или же (как в этом случае) общую идеальную отстраненность.

4. Отрицание понятия. М. Хайдеггер писал, что отрицание как таковое существует только потому, что существует *ничто*, куда мы в момент отрицания и «падаем» [7, с. 162]. В рамках данной работы мы бы перефразировали эти слова так: отрицание как таковое существует только потому, что существует человеческая психика, куда отрицаемая вещь и «падает». Эта, казалось бы, такая легчайшая логическая операция, такая легчайшая психологическая защита в зависимости от того, к какой вещи она приложена, может варьироваться в огромном диапазоне от материальности (отрицание вещей) до духовности (отрицание сугубо человеческих идей – Бога, добродетели, любви и т. д.). Отрицание, какое бы оно ни было, подразумевает наложение абстракции на отрицаемый предмет. В случае материализма абстракция только добавляется, ничего при этом не делая с вещью. В случае духовности абстракция только расширяется, в связи с чем отрицаемая идея может модифицироваться или действительно устраниться. Доминирующий принцип при отрицании – самосознание себя. Ведь необходимо обладать собственным неизменным Я, чтобы вместе с отрицанием вещи не произвести отрицание самого себя. Данная логическая операция относится к интероцептивным переживаниям, т. к. некоторым образом устраняет бытие.

5. Нахождение родового понятия. Всё многообразие понятий, так или иначе, сводится к систематизации по принципу *род – вид*. Родовое понятие всегда шире, чем видовое, а значит оно соответственным образом должно быть более абстрактным, более идеализированным, т. е. ближе к Эго. Например, кошку, льва, тигра, пантеру, леопарда мы объединяем понятием *кошачьи*. Далее возводим их в ранг другого более обобщенного рода и получаем понятие *животные*,

относительно которого *кошачьи* становится уже видом. Возрастание объема понятия ведет к нивелированию материального, несмотря на то, что логическая операция нахождения родового понятия помогает науке развиваться. Нивелирование материального приближает нас к Эго, следовательно, подобная логическая операция относится к интероцептивным переживаниям.

6. Дизъюнкция. Человеческий ум разлагает целокупность вещей на части в соответствии со своими потребностями: биологическими, социальными, экзистенциальными, познавательными, личностными. Каждая такая потребность приложима к соответствующей ей модальности мира, в соответствии с которой она может удовлетворяться [8, с. 28]. Дизъюнкция в акте вынесения суждения разделяет вещи одной модальности или же вовсе разделяет вещи двух или нескольких модальностей. Операция ноэзиса при таком раскладе конституирует смысл вещей исходя из доминирующих принципов создания вторичной абстракции и предвосхищения результата. По поводу вторичной абстракции всё ясно – в акте дизъюнкции она намеренно выводит вещи из их первоначальной целостности. Разделенные, они пребывают в ментальном образе чистого сознания. Предвосхитить результат значит прилагать дизъюнкцию к тем вещам, которые уже проявили себя в качестве реализаторов потребности, т. е. перечень из «или / или» уже знаком человеку, следовательно, он осведомлен о результате своего выбора. Примечательно, что строгая дизъюнкция являет собою третий основной логический закон: «Должно быть или "А", или "Б", третьего не дано» [5, с. 38]. Однако простая дизъюнкция, о которой здесь идет речь, в сложносоставном суждении может перечислять больше двух возможностей: А или Б, или С, или Д. Такое свойство дизъюнкции рождает многовекторность реализации субъекта суждения.

7. Транзакция. В природе самой по себе абстрактно определяемого чего-то большего, чего-то меньшего нет, т. к. все вещи находятся друг подле друга, реализовывая тем самым общую целокупность. Опосредованность, находящаяся рядом с транзакцией, соотносит по величине те вещи, которые непосредственно не находятся вблизи друг от друга. Например: «А меньше В, В меньше С, следовательно А меньше С». Наоборот: «С больше В, В больше А, следовательно С больше А». Такая операция необходима, чтобы производить соотношение вещей одного качества или различных качеств. Операция ноэзиса для конституирования смысла возможного транзакционного (или другого) суждения должна иметь нечто, что позволило бы ей с легкостью воспроизводить подобное соотношение вещей. Речь идет о переживании пространственности. Подобная пространственность напоминает то средство созерцания вещей, о котором говорил И. Кант, ссылаясь на то, что априорное пространство и время служат первоначальным материалом для категорий чистого рассудка [6, с. 57]. В настоящей работе переживание пространственности дополняет операцию ноэзиса тем, что последний для конституирования смысла предмета

DOI: 10.21603/2542-1840-2019-3-3-271-280

опирается на саму протяженность. Поэтому мы обозначили пространственность в качестве сопутствующего переживания (фона) в отношении с основным переживанием, где имеется собственно смысл вещи или суждения. Разумеется, подобный пространственный фон присутствует в вынесении всякого суждения интероцептивного или экстероцептивного переживания.

Не стоит забывать, что хотя мы и говорим о трансцендентной по отношению к чистому сознанию вещи, всё же основной акцент делается на то, что ноэма в данной работе – это конституирование возможного суждения исходя из соответствующих логических операций. Суждение в таком аспекте есть некоторый результат предшествующей «опытной» телеологии интенции, в которой подразумевался конечный результат. О последнем Э. Гуссерль писал: «Все предметы и предметные отношения суть для нас то, что представимо именно как подразумеваемое единство» [1, с. 51].

Экстероцептивность

Следует напомнить, что всё вышесказанное, а также то, что будет сказано ниже – всё это относится к единому процессуальному переживанию чистого сознания, поэтому экстероцептивность не следует путать с собственно воспринимаемой вещью. Последняя остается за пределами чистого сознания. Однако если смотреть на вещь, то она в контексте данной работы не является «кантианской» вещью самой по себе – ноуменом. Напротив, она *со своей стороны* сохраняет в себе основные атрибуты – протяженность и материальность, оставаясь при этом вполне познаваемой. Более того, в экстероцептивном переживании как таковом важна не столько оставшаяся протяженность, сколько ее общая ментальная нетронутость со стороны созерцающего субъекта. Это означает, что целокупное и гармоничное существование вещей не подвергается изменению при использовании логических операций экстероцептивного переживания. Но необходимо помнить, что мы так или иначе взираем на вещи со своей стороны, поэтому говорить о строгой объективности предмета не стоит.

О протяженности как основном атрибуте материи говорил еще Р. Декарт в рассуждении о двойственной субстанциальности [9]. Протяженность таит в себе радикальную, феноменологическую объективность, ту объективность, которая принадлежит вещи по праву без апелляции на субъективные признаки со стороны. Однако мы не должны остаться один на один с протяженностью, т. к. логические операции сопряжены с рассудком, частично находящимся в естественной установке.

Введем некоторые логические операции, соответствующие экстероцептивным переживаниям. Экстероцептивные переживания включают в себя: $A=A$, аналитический вид суждения, меньшая посылка силлогизма, двойное отрицание понятия, нахождение видового понятия, конъюнкция, первая часть импликации – антецедент, аргументация. Данные логические конструкты дистанцированы от Эго, исходя из следующих принципов: общая ментальная

нетронутость со стороны созерцающего субъекта, выдвижение факта, сохранение коррелятивности, неизменность. Эти принципы не относятся собственно к мыслительному фактору и это справедливо, поскольку они есть тот знаменатель, по которому экстероцептивное, или лучше сказать объективное, переживание может конституироваться. Напомним, что объективность при контексте чистого сознания является условным понятием, поскольку не всегда можно четко определить, где заканчивается психика и начинается предмет в чистом самобытном смысле.

Логические операции, сопряженные с экстероцептивным переживанием:

1. $A=A$. Первый основной логический закон, гласящий то, что две или более вещей, имеющие одинаковые признаки, равны между собой [5, с. 15]. На наш взгляд, это самая безобидная для вещи логическая операция, особенно тогда, когда мы говорим об одной вещи, которая остается неизменной с течением времени. В этой операции как нигде содержится овеществление того предмета, на которое направлено горнило чистого сознания. Соответственно, доминирующий принцип данной операции – коррелятивность. В этом отношении логическая операция $A=A$ относится к экстероцептивному переживанию, т. к. она более относится к вещи, чем к Эго, а значит носит объективный характер.

2. Аналитический вид суждения. И. Кант в работе «Критика чистого разума» писал, что аналитические суждения – это такие суждения, в которых к субъекту не добавляется новая информация, находящаяся в предикате [6, с. 31]. Иными словами, вынос аналитическое суждение, мы входим вглубь тех вещей, которые находятся в суждении, ничего при этом не добавляя. В данном случае доминирует принцип выдвижения факта. Здесь следует объяснить один момент. Может показаться, что включение целого суждения в перечень экстероцептивных логических операций – это несколько некорректно, поскольку оно уже может вмещать в себя некоторые из них – это всё равно, что принимать целое за часть. Да, это будет справедливым замечанием, однако, мы уделяем внимание не суждению вообще, а именно его аналитическому виду, введенному И. Кантом для того, чтобы обнаружить информацию под иным углом зрения без преобразования смысла суждения [10, с. 212]. Это значит, что первостепенная важность здесь – это операция анализа информации. И пусть даже подобный анализ в акте вынесения суждения преимущественно не вербализируется, всё же задним числом мы подразумеваем правильность своего хода мыслей. Заднее число или предварительное знание – это и есть тот ноэзис, благодаря которому конституируется смысл не только аналитического, но и всякого суждения.

3. Меньшая посылка силлогизма. Когда есть из чего произвести заключение, ум начинает синтезировать в новую информацию то, что дано в большей и меньшей посылке. Однако меньшая посылка содержит информацию, которая если куда и ведет, то только с помощью большей посылки

и заключения силлогизма. Меньшая посылка всегда выражает некий факт, или некий тезис, относительно которого мы и способны заключать. В другом месте она способна спасти весь силлогизм от чрезмерной субъективности, поскольку в ней содержится истина, имеющая четыре причины своего появления в ментальной репродукции: 1) общая договоренность всех (или большинства) людей, что некое положение вещей является истинным; 2) стихийное образование; 3) эмпиризм; 4) экспериментальная доказанность. Данные причины говорят о том, что истина, содержащаяся в меньшей посылке силлогизма, может иметь под собой и вовсе «воздушный» фундамент. Конечно, имеет место и то, в каких условиях и при каком контексте умозаключение было сказано. Доминирующий принцип здесь – *выдвижение факта*.

В рамках феноменологического пласта чистого сознания то умозаключение, которое состоит из целого ряда логических операций, коррелятивно с этим состоит и из целого ряда переживаний интероцептивного или экстероцептивного качества. То есть в структуре умозаключения имеются такие компоненты знания, которые в феноменологическом смысле находятся ближе к Эго (идеализация) или дальше от Эго (овеществление).

4. Двойное отрицание понятия. Производить фактически вещи путем отрицания своего же отрицания значит в экстероцептивном переживании сохранять ее овеществление. По сути дела второе отрицание только дополнительно нагружает первое отрицание еще одной абстракцией, возвращая тем самым к изначальному положению вещей. Доминирующий принцип данной логической операции – сохранение коррелятивности между переживанием и собственно трансцендентной по отношению к чистому сознанию вещью.

5. Нахождение видового понятия требует выбрать путь от общего к частному, в процессе которого образуется правило: чем меньше становится объем понятия, тем ближе оно к строгой определенности, следовательно, оно становится более частным, более материалистическим. А это уже есть экстероцептивность данной логической операции, доминирующий принцип которой – *выдвижение факта*, именно потому, что видовое понятие относится ближе к вещественному, которое может быть познано эмпирическим путем.

Следует пояснить один нюанс. Найти видовое понятие – значит иметь при себе в процессе мыслительной деятельности как минимум два понятия одной модальности, чтобы уже дополнительно выявлять род и вид этих понятий. Поэтому мы бы хотели пояснить здесь, что когда мы говорим о нахождении чего-то в рамках двух понятий, то имеем в виду именно какую-то логическую операцию, которая и помогает нам это сделать. С другой стороны, данный нюанс может в некоторой степени рожать проблему дифференциации логических операций на интероцептивные и экстероцептивные именно тогда, когда мы говорим о родовидовом определении понятий, потому что мы в течении всего повествования опирались

именно на логические операции. Однако здесь мы можем судить о том, к какому переживанию относится данная логическая операция нисхождения от рода к виду только путем того, насколько найденное понятие относится к овеществленным вещам, а вовсе не исходя из того, какая логическая операция при этом используется. Но мы не должны обращать на это внимание, поскольку операция ноэзиса компенсирует эту, казалось бы, проблематику. Ведь для того чтобы осуществлять подгонку соответствующих внешним вещам образов, у нас в памяти должна предварительно содержаться вся информация об этих вещах. Не будь у нас хотя бы малейшего представления о них, ноэзису не с чем было бы работать. Представление о вещах соотносимо со способом работы с ними или же с логическими операциями, применяемыми к ним [11, с. 53]. Поэтому ноэзис с необходимостью сопряжен с рассудком, где собственно и покоится вся логика. И это распространяется также и на родовидовое определение понятий, в процессе которого обнаруживается некий факт *большого / меньшего объема* посредством того, что мы уже заранее имеем представление об этом, и соответствующим образом производим логическую операцию «восхождения» от вида к роду, или наоборот – «нисхождения» от рода к виду. Хотя «восхождение» или «нисхождение» осуществляет одна и та же логическая операция, всё же необходимо различать ее направленность вверх или же вниз. Первое – это интероцептивность, второе – это экстероцептивность. Первое – путь к идеализации, второе – путь к овеществлению. В этом смысле мы можем перефразировать слова Э. Гуссерля, что «акт переживания, в котором мы полагаем видовое, существенно отличается от того, в котором мы полагаем единичное» [1, с. 107], на следующий тезис: акт переживания, в котором мы полагаем видовое, существенно отличается от того, в котором мы полагаем родовое, т. к. они сопряжены единым правилом.

6. Конъюнкция. Данная логическая операция предполагает, что две или более вещей соединены в одном суждении посредством связок «и» или «а также». Соединенность полагает сохраненную целокупность вещей, которые в свою очередь имеют различную степень объективности. Несмотря на то, что конъюнкция не дифференцирует вещи так, как дизъюнкция, всё же мы должны иметь в виду, какое именно содержание имеет суждение, ведь связка «и» может соединять не только по содержанию материальные, но и идеальные (менее объективные) понятия. Но т. к. мы исследуем здесь именно формально-логические операции, а не собственно содержание суждений, то впору говорить о конъюнкции только как об экстероцептивности, ведь синтез вещей (а не их разделение) гораздо более содействует овеществлению. Доминирующий принцип конъюнкции – *выдвижение факта*.

7. Аргументация. Возможно, самый колоритный элемент, поскольку это не просто логическая операция, а целый комплекс операций, соединенных между собой одной общей целью – доказательством правоты. Но почему

аргументация поставлена здесь, ведь в нее входят не только экстероцептивные, но и (преимущественно) интероцептивные переживания? Дело в том, что когда человек пытается выразить свою мысль, используя логические операции, личный опыт, эмоциональное воздействие, ораторское искусство и т. д., он тем самым пытается сделать так, чтобы то, что он хочет аргументировать, было реально для зрителей, и не важно, что именно он хочет донести. Вложив в слушателей свою мысль, он возвращает ее, чтобы она прочно укрепилась в головах тех, кто по-настоящему внимал.

Аргументация является наиболее объемной из всех вышеперечисленных логических операций, т. к. благодаря аргументации экстероцептивное переживание становится намного шире, т. к. при аргументации всегда есть направленность говорящего на образование веры слушателей в реальность того, что он аргументирует, т. е. на всё большее овеществление, на всё большую объективность. В этом отношении экстероцептивное переживание становится тем общим фоном, на котором разворачивается аргументация, включающая в себя любые логические операции. А это не похоже на всё то, о чем было сказано выше, поскольку речь идет о направленности и мотивации на то, чтобы доказанность была убедительной. Следует добавить, что аргументация в силу своего объема не может быть представлена как часть чистого феноменологического сознания, ибо мы не можем созерцательно подразумевать ее всю. Более того, в ней в полной мере присутствуют воспоминания, дающие информацию. Информация в свою очередь «давит» на ассоциации, в связи с чем аргументация в целом, помимо всего прочего, больше относится к рассудку и разуму, а вовсе не к феноменам. Однако, проследив цепочку связанных между собой мыслей, мы в феноменологическом пласте увидим коррелятивную цепочку соответствующих переживаний, действующих как причина этих мыслей. Да, в этом отношении всё хорошо, но как только мы преобразуем каждое переживание в элемент единой аргументации, мы тотчас вернемся в пласт нашего повседневного опыта, где орудует рассудок и разум. Последние, разумеется, не смогли бы вообще что-либо сделать с информацией, не будь предварительного и одновременного с этим переживания вещей.

В разделе Транзакция мы говорили, что пространственность в качестве сопутствующего переживания (фона) всегда имеется при всяком переживании, где имеется смысл вещи. Подобному фону безразлично, какую направленность имеет ход аргументации, поскольку оно является только средством познания. Напротив, аргументация с ее стремлением к объективности своих положений есть развертывание именно личностной организации. Следовательно, экстероцептивный фон не есть то же самое, что пространственный фон переживаний, хотя они оба имеются в феноменологическом пласте. Первый служит для общей направленности мысли при аргументации, а второй является средством для всякого переживания вообще.

А что же с доминирующим принципом аргументации? Этого принципа нет, поскольку в отличие от прочих экстероцептивных логических операций аргументация объективирована именно исходя из того, что имеет экстероцепцию в виде общего фона. Поэтому принципы интероцептивного и экстероцептивного переживания имеются здесь в неразрывном единстве. Впрочем, если рассматривать любое размышление нашей повседневной жизни, то мы увидим, что подобный синтез переживаний присутствует всегда.

Выводы

Выше была представлена попытка дифференцировать наши переживания на интероцептивные, находящиеся ближе к Эго, и экстероцептивные, находящиеся на дистанции от Эго. Такая меняющаяся дистанция в полной мере условна, т. к. в чистом сознании, как и во всей психике вообще, нет никаких пробелов. Однако подобная условность на протяжении всей работы была в некоторой степени помощником, т. к. благодаря ей мы лучше смогли понять, где заканчивается личностный характер переживания и где начинается его объективный характер.

Вся формальная логика находится в рассудке. Рассудок с необходимостью сопряжен с чистым сознанием не только в познавательном аспекте, но и в качестве своеобразного якоря. Иными словами, рассудок является той удерживающей частью нашего повседневного опыта, не позволяющей сознанию кануть в солипсизм после свершения феноменологической редукции. То есть Эго не полностью переключается с одного качества познания мира на другое его качество. В противном случае без якоря – рассудка, проникнув в обитель чистых сущностей (феноменов), мы раз и навсегда остались бы там. Но такого не происходит именно потому, что задним числом мы осознаем, что явленный нам мир хотя и является первоначальным, всё же он не есть место той жизни, где мы самозабвенно прозябаем. Более того, благодаря рассудку мы в принципе в состоянии говорить об операции ноэзиса, ведь без рассудка подразумевание, несмотря на весь арсенал средств феноменологического видения предмета, не смогло бы состояться. Следовательно, мы хотим сказать, что рассудок в данной работе носит сугубо житейский опытный характер, а вовсе не трансцендентальный, как это может показаться на первый взгляд. Если же это угодно читателю, то трансцендентальностью здесь является чистое сознание, прозябающее в иной сфере, нежели повседневный рассудок. Напротив, трансцендентальный рассудок И. Канта и есть то априорное познание, через призму которого строится наш опыт.

Чтобы избавиться от половинчатого видения гносеологического процесса чистого сознания, скажем, что не стоит игнорировать значимость эмоционального фактора в вопросе переживания вещей. Понятно, что встречающиеся феномены не окрашены эмоциями, однако последние за счет себя в прошлом добавляют некий апперцептивный компонент в настоящем переживании.

Данный компонент может быть расценен как личностная модальность конституирования возможного суждения, поскольку в суждении, даже если оно взято как ноэма, должна сохраняться личностная направленность. Конечно, подобная мысль противоречит Э. Гуссерлю с его чистым субъектом познания. В нашей же формулировке чистый субъект не только сохраняет относительную связь с рассудком, но и способен воспроизводить в переживании вещей предшествующие эмоциональные компоненты, связанные именно с какой-то областью окружающего мира, «зажатого» в рамках этого самого переживания.

Эмоциональный компонент является единицей повседневного опыта равным счетом, как и все остальные моменты нашей жизни. Феноменология принуждает сознание пройти через всё многообразие повседневного опыта для того, чтобы в конце концов получить возможность убедиться в своей недостаточности, неудовлетворительности и в итоге прийти к абсолютному знанию [12]. С другой стороны, опыт необходим в качестве дополнительного элемента придающего смысл вещи личностный ореол.

Следует задать вполне справедливый вопрос: благодаря чему интероцептивное и экстероцептивное переживания соединены между собой? Они соединены посредством общего значения переживания. Значение – это образование культурно-исторического характера [13]. Следовательно, оно является фундаментальной репродуктивной частью чистого сознания тех индивидов, кто вхож в ту или иную культуру. Только относительно «выученных» нами значений операция ноэзиса, хранящаяся в чистом сознании, может конституировать смысл. В этом отношении значение есть субстрат, а смысл (переживание) – акциденция.

Заключение

Дифференциация переживания на интероцептивное и экстероцептивное дала нам возможность взглянуть на познающее чистое сознание под иным углом зрения. Было видно, что в настоящей работе феноменологический пласт, обозначенный Э. Гуссерлем, был изменен гораздо большим распадением на части. Подчеркивалось, что чистое созерцание вещей не такое уж чистое, поскольку к нему всегда, так или иначе, добавляется рассудок с его неизменными логическими операциями. А это в свою очередь ведет нас к менее идеализированному понима-

нию феноменологии как философского направления, т. к. чистое интуирование некоторым образом сопряжено с опытом, где рассудок собственно и покоится. Казалось бы, такое видение феноменологического пласта нивелирует саму возможность появления чистых сущностей, т. к. мы не полностью отказываемся от нашей повседневной естественной установки. Однако мы считаем, чтобы вообще с чем-то столкнуться в состоянии феноменологической редукции, необходимо и дальше придерживаться связи с рассудком, т. к. в противном случае есть риск попасть в «сутолоку неразличимых образов». При этом нужно учитывать, что «схватывать сущности означает схватывать некое всеобщее, приемлемое для каждого чистого сознания, в отрыве от вещей опыта. Для обоснования мышления о чистых сущностях потребна лишь такая основа, как сущностное созерцание, для которого необходим процесс феноменологического видения. Нельзя смешивать такие радикалы, как неограниченную всеобщность законов природы и сущностную всеобщность» [14].

Принятие ноэмы в виде конституции возможного суждения говорит о том, что созерцание чистых сущностей не должно ограничиваться одними только вещами. Такая ноэма ставит активный субъект познания в ранг интенциональной личности не просто созерцающей, но судящей.

Основные нововведения данной работы заключаются в следующем:

- дифференциация переживаний вещей на интероцептивные и экстероцептивные, т. е. на субъектность и объективность в рамках феноменологических сущностей;
- интероцептивность и экстероцептивность находятся в операции ноэзиса;
- связь когнитивного чистого сознания с рассудком, речь идет именно о повседневном рассудке, а не априорном кантовском, как может показаться на первый взгляд;
- принятие в качестве ноэмы не какой-то отдельной вещи, а конституирование возможного суждения. Это значит, что логические операции, сопряженные с чистым сознанием, всегда направлены на то, чтобы посредством себя организовывать общее суждение.
- обнаружение личностного компонента в контексте переживания предмета, т. к. это требуется для конституции возможного суждения.

Литература

1. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Сагуна, 1994. Т. 1. 357 с.
2. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: ДИК, 2003. Т. 1. 457 с.
3. Вирго Р. Э. Вопросы ментального в феноменологии // Молодой ученый. 2015. № 17. С. 494–496.
4. Круглов А. Н. Понятие трансцендентального у И. Канта: предыстория вопроса и проблемы интерпретации // Вопросы философии. 1999. № 11. С. 151–171.
5. Ивин А. А. Строгий мир логики. М.: Педагогика, 1988. 128 с.
6. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.
7. Михальский К. Логика и время: опыт анализа теории смысла Гуссерля; Хайдеггер и современная философия / пер. с пол. Е. Твердисловой. М.: Территория будущего, 2010. 422 с.
8. Бордак С. Н. Курс лекций по теории философии. Гомель: ГомГМУ, 2013. 108 с.
9. Бучило Н. Ф. Искусство и методология социально-гуманитарного познания. М.: Норма; ИНФРА-М, 2018. 240 с.

10. Нижников С. А. *Метафизика веры в русской философии*. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2012. 313 с.
11. Хоменко И. В. *Логика*. М.: Юрайт, 2015. 192 с.
12. Дробышева А. В., Мазур Е. А. Феноменология чувственного сознания // *Молодой ученый*. 2017. № 11. С. 529–532.
13. Алексеенко И. С. Из истории историографии психологии // *Научные труды Московского гуманитарного университета*. 2006. № 69. С. 131–141.
14. Мотрошилова Н. В. «Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию. М.: Феноменология-Герменевтика, 2003. 720 с.

Pure Consciousness in the Context of Formal Logic

Vladimir E. Semenov^{a, @}

^a Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

[@] kemcitysemenov@mail.ru

Received 25.03.2019. Accepted 22.11.2019.

Abstract: The subject of the research is the dynamics of noesis of pure consciousness and the rules of formal logic. The goal was to establish the foundations for the synthesis of pure consciousness and ordinary reason. The methodological basis was the theory of pure consciousness postulated by E. Husserl in his "Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy. Book one. A general introduction to pure phenomenology". The research also featured I. Kant's "Critique of Pure Reason", in particular his reflections on the "foundations of pure reason" and the formal logic of Aristotle. Results. If we split the emerging experience of pure consciousness into interoceptive and exteroceptive, it means that the pure contemplation of things is not as pure as E. Husserl believed it to be, since the reason with its invariable logical operations is always added to the noesis procedure. This leads us to a less idealized understanding of phenomenology as a philosophical trend, even though Husserl's work used classical laws of "contemplative intuition". The results can be applied in the field of epistemology and the theory of phenomenological knowledge. Findings. The subject of knowledge, even after the phenomenological reduction is completed, is still connected with rational activity. Such a vision of the phenomenological layer could eliminate the very possibility of the appearance of "pure entities" since we do not completely abandon our everyday "natural setting". However, we believe that in order to encounter anything at all in the "epoch" state, it is necessary to continue to keep in touch with reason, since otherwise there is a risk of falling into somnambulism. Reason, although it enters the layer of pure knowledge, does not lose its formal logical abilities. Logical laws are connected with the operation of noesis, thereby creating a general experience of things of an interoceptive or exteroceptive nature.

Keywords: Ego, constitution, assertion, noesis, experience, interoception, exteroception, meaning, logical laws, reason, idealization, materialization, totality of things

For citation: Semenov V. E. Pure Consciousness in the Context of Formal Logic. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2019, 3(3): 271–280. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2019-3-3-271-280>

References

1. Husserl E. *Philosophy as a rigorous science*. Novochebassk: Saguna, 1994, vol. 1, 357. (In Russ.)
2. Husserl E. *Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy*. Moscow: DIK, 2003, vol. 1, 457. (In Russ.)
3. Virgo R. E. Issues of the mental in phenomenology. *Molodoi uchenyi*, 2015, (17): 494–496. (In Russ.)
4. Kruglov A. N. The concept of the transcendental in I. Kant: the background of the issue and problems of interpretation. *Voprosy filosofii*, 1999, (11): 151–171. (In Russ.)
5. Ivin A. A. *The strict world of logic*. Moscow: Pedagogika, 1988, 128. (In Russ.)
6. Kant I. *Criticism of pure reason*, tr. Lossky N. Moscow: Mysl, 1994, 591. (In Russ.)
7. Michalski K. *Logic and time: the experience of analyzing the theory of the meaning of Husserl; Heidegger and modern philosophy*, tr. Tverdislova E. Moscow: Territoria budushchego, 2010, 422. (In Russ.)
8. Bordak S. N. *Course of lectures on the theory of philosophy*. Gomel: GomGMU, 2013, 108. (In Russ.)
9. Buchilo N. F. *The art and methodology of social and humanitarian knowledge*. Moscow: Norma; INFRA-M, 2018, 240. (In Russ.)
10. Nizhnikov S. A. *Metaphysics of faith in Russian philosophy*, 2nd ed. Moscow: INFRA-M, 2012, 313. (In Russ.)
11. Khomenko I. V. *Logics*. Moscow: Iurait, 2015, 192. (In Russ.)

12. Drobysheva A. V., Mazur E. A. Phenomenology of sensory consciousness. *Molodoi uchenyi*, 2017, (11): 529–532. (In Russ.)
13. Alekseenko I. S. From the history of the historiography of psychology. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, 2006, (69): 131–141. (In Russ.)
14. Motroshilova N. V. "Ideas I" of Edmund Husserl as an introduction to phenomenology. Moscow: Phenomenologia-Germenevtika, 2003, 720. (In Russ.)